

Годъ изданія девятый.

ЯНВАРЬ.

№ 6.

1916.

XVI 45
10

845
Л. Эндрю 40

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

УТРО (стих.).
РАЗСКАЗЪ КЕНГУРУ.
МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА. (повѣсть).
СЛУЧАЙ ВЪ МОРѢ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Русскій теремъ—для склеиванія.
„Наигрались“ (картина).

№ 6. Январь, 1916.

Годъ изданія IX-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Близкій другъ.

У Т Р О.

Часы пробили пять,
Ужъ солнце свѣтитъ ярко
И даже стало жарко;
Проснулась ужъ кухарка
И стала прибирать.

Часы пробили шесть,
Погасла ужъ лампадка,
Но дѣти спятъ такъ сладко,
Что можно ихъ съ кровати
Постаскивать и снестъ.

Часы пробили семь.
Но дѣтки спятъ, и даже
Ихъ крѣпче сонъ и слаже...
— Ребятки, ну, когда же
Проснетесь вы совсѣмъ?

Ирисъ.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

5. Разказъ Кенгуру.

Снѣжная метель все еще продолжалась и съ каждымъ полчаса въ звѣринцѣ становилось все холоднѣе. Привыкшіе къ теплomu климату звѣри старались зарыться въ солому или-же сидѣли, нахохлившись и забившись въ уголокъ, и только одинъ бѣлый медвѣдь лежалъ у себя въ клѣткѣ на голомъ полу, тяжело вздыхалъ и ворчалъ про себя:— „Жарко, жарко! Мнѣ такъ хотѣлось-бы къ себѣ на родину въ Ледовитый Океанъ!“

Мартышка окончила свой разказъ, долго капляла и замолкла. Затѣмъ въ звѣринцѣ на нѣкоторое время водворилась тишина.

— Ну, теперь твоя очередь обратился наконецъ слонъ къ кенгуру. — Разказывай теперь намъ ты о себѣ!

Кенгуру подошла къ самой рѣшоткѣ своей клѣтки и встала на заднія ноги.

— „Я не помню своего ранняго дѣтства, начала она. — Я стала сознавать себя только съ тѣхъ поръ, какъ я уже умѣла понимать и, сидя въ мѣшкѣ у матери, весело смотрѣла на голубое австралийское небо, на зеленыя поля и на далекія лиловыя горы, поднимавшіяся на горизонтѣ. Я вѣдь родомъ изъ далекой Австраліи и привезена сюда уже давно, такъ

что уже успѣла немного свыкнуться съ здѣшнимъ климатомъ. Говорятъ, что я очень интересное животное и что другого такого-же нѣтъ во всемъ свѣтѣ. И дѣйствительно, у меня длинныя заднія ноги и длинный хвостъ, такъ что я всегда прыгаю стоя. На заднихъ ногахъ и на хвостѣ я держусь, какъ на треножникѣ. Переднія лапки у меня коротенькія и похожи на человѣчьи руки: я беру ими плоды, чешу ими у себя за ушками и качаю въ нихъ своихъ дѣтенышей. Но самое интересное на мнѣ—это мѣшокъ на брюхѣ. Когда я хочу—онъ появляется у меня на животѣ, а когда онъ мнѣ бываетъ не нуженъ, то я подбираю его подъ себя такъ, что отъ него остаются только небольшія складочки. Въ этомъ мѣшкѣ я ношу своихъ дѣтей.

„Мы, кенгуру, животныя травоядныя, миролюбивыя и никому не причиняемъ зла. Я не понимаю, зачѣмъ меня уже столько лѣтъ держать здѣсь за желѣзной рѣшоткой. Вѣдь я никому не причиняла вреда! Впрочемъ, буду продолжать лично о себѣ. Я помню, какъ моя мать, подойдя къ кустарнику, сорвала съ него передними лапками ягоду, и покатавъ

ее между ладонями, чтобы она стала отъ этого мягче и слаже, понесла ее къ себѣ въ ротъ. Когда же нужно было щипать траву, то ей приходилось передвигаться съ мѣста на мѣсто, а это было довольно хитро. Мы не можемъ ходить сразу на всѣхъ четырехъ ногахъ, поэтому, чтобы двинуться съ мѣста, мы должны или прыгнуть сразу на двѣ или три сажени впередъ или-же ползти. Моя мать ползла такъ: она упиралась ладонями переднихъ лапокъ о землю, просовывала между ними заднія ноги, подпирала себя сзади хвостомъ и ползла такъ на заднихъ ногахъ, какъ на полозьяхъ. Я сидѣла у матери въ сумкѣ и поводя ушками, какъ зайчикъ, весело поглядывала по сторонамъ. Мать срывала съ кустарниковъ сливы, брала ихъ въ губы и, низко наклонившись ко мнѣ, перекладывала ихъ изъ

На заднихъ ногахъ и на хвостѣ я держусь, какъ на треножникѣ.

своего рта въ мой ротъ. Такъ обыкновенно кенгуру кормятъ своихъ дѣтей: изо рта въ ротъ.

— Ну-ка, держись покрѣпче, обратилась однажды ко мнѣ мать, — мы сейчасъ побѣжимъ далеко, къ твоей теткѣ. У нея родился дѣтенышъ. Хсчешь на него поглядѣть?

— Хочу, отвѣтила я.

Я залѣзла въ мѣшокъ по шею и моя мать запрыгала куда-то далеко. Она прыгала такъ высоко и такъ далеко, что мнѣ казалось, будто я несусь по воздуху. Черезъ полчаса мы прискакали на какой-то другой неизвѣстный мнѣ лугъ, на которомъ паслись четыре или пять кенгуру.

— Вотъ твоя тетя! указала мнѣ мать. — У нея сегодня родился маленькій дѣтенышъ. Ты сейчасъ его увидишь!

Узнавъ другъ дружку, тетя и мать встали на заднія лапы и обнялись передними, далеко откинувъ назадъ головы. Такъ всегда привѣтствуютъ одна другую кенгуру.

— Ну, какъ? спросила мать. — Что новорожденный? здоровъ?

Тетя похлопала ушками въ знакъ удовольствія и сдѣлала такъ, что вся сумка у нея на животѣ сразу сократилась. И мы увидѣли тамъ маленькое, голенькое, слѣпое существо съ еще не доразвитыми ногами. Оно присосалось къ соску матери и такъ и висѣло на немъ, какъ серьга.

— Гдѣ-же у него ноги? спросила я.

— Выростуть! отвѣтила мать. — Не пройдетъ и девяти недѣль, какъ онъ уже будетъ имѣть совершенно крѣпкія, настоящія ножки. Черезъ три мѣсяца онъ уже будетъ покрытъ шерстью и прозрѣетъ, а черезъ восемь будетъ такъ-же весело выглядывать изъ материнскаго мѣшка, какъ сейчасъ и ты.

Въ это время я увидѣла, что новорожденный захлебывался отъ материнскаго молока и указала на это матери.

— Смотри, смотри! сказала я. — Онъ захлебывается! Какой онъ жадный! Зачѣмъ онъ высасываетъ сразу такъ много молока?

Мать и тетя переглянулись.

— Развѣ кенгуру умѣетъ сосать? обратилась ко мнѣ мать. — Глупенькая! Это единственное животное изъ всѣхъ млекопитающихъ, которое не умѣетъ сосать: молоко вливается ему въ ротъ само, безъ всякаго желанія съ его стороны. Стоитъ только захотѣть этого его матери!

Я выскочила изъ сумки матери и долго рѣзвилась по пышной, сочной травѣ. Мнѣ было пріятно побывать у тети въ гостяхъ. Я давно уже питалась травой сама, и потому мать не особенно за меня беспокоилась и отпускала меня отъ себя подальше. Прыгая по травѣ и слѣдя за насѣкомыми,

Моей матери было тяжело со мной, но зато как уютно я почувствовала себя в ее сумкѣ!

которыхъ мы никогда не трогаемъ, я отбѣжала отъ нея довольно далеко—и вдругъ какой-то странный звукъ привлекъ къ себѣ мое вни-

маніе. Слухъ у насъ великолѣпный и потому я насторожилась. Видѣть я ничего не могла, потому что зрѣніе у насъ сла-

бо, а обонянiя почти и вовсе нѣтъ.

— Осторожнѣе! крикнула мнѣ издали мать.

Голоса становились все явственнѣе и слышнѣе. Мать и тетка поднялись на заднiя ноги, вытянули шеи и насторожились.

— Это собаки! съ испугомъ сказала тетя.

— Если собаки, то, значить, и человекъ! добавила мать.

Мы страшно испугались. Вообще мы очень пугливы, такъ какъ никому не причиняемъ зла. Я бросилась обратно къ матери, прыгнула къ ней въ мѣшокъ и всѣ мы помчались, куда глядѣли глаза.

Нѣсколько всадниковъ съ блестящими въ рукахъ ружьями мчались верхомъ прямо на насъ. Впереди нихъ цѣлой стаей бѣжали охотничьи собаки.

— Держись крѣпче! сказала мнѣ мать.—Мы должны отъ нихъ убѣжать во что бы то ни стало, иначе мы погибли!

Я уцѣпилась передними лапками за край ея мѣшка—и мы понеслись въ бѣшеной скачкѣ. Мы не бѣжали, а прямо летѣли въ прыжкахъ по воздуху. Собаки увидѣли насъ и тоже помчались за нами. Мать дѣлала прыжки по четыре сажени длины и перепрыгивала по пути черезъ громадные кустарники съ такою легкостью, какъ резиновый мячикъ. Такъ мы бѣжали болѣе двухъ часовъ, совсѣмъ

было успѣли скрыться отъ нашихъ преслѣдователей, какъ вдругъ неожиданно нарвались на другихъ охотниковъ. Они сидѣли на привалѣ и что-то варили. Завидѣвъ насъ, они вскочили, схватили ружья и выстрѣлили по насъ. Моя бѣдная тетя повалилась мертвой и тотчасъ же къ ней прибѣжали люди и содрали съ нея шкуру.

— Хорошiй будетъ воротникъ на шубу! сказалъ одинъ изъ нихъ.

А моя мать между тѣмъ все бѣжала и бѣжала далѣе. Собаки этихъ вторыхъ охотниковъ слѣдовали за нею по пятамъ. Отъ страха я не знала, что дѣлать, и притаила дыханiе. Сердце во мнѣ замирало.

— Я устала, сказала наконецъ моя мать,—у меня больше не хватаетъ силъ, мнѣ тяжело... Ты оттянула мнѣ животъ... Я не могу больше прыгать и должна остановиться. Но я не дамъ тебя въ обиду и спасу тебя! Спрячься скорѣй сюда!

Она бросилась въ ближайшiе кусты, остановилась на минуту, быстро раскопала передними лапками землю, сдѣлала въ ней ямку и, вытащивъ меня за шиворотъ, бросила меня въ нее.

— Сядь здѣсь! сказала она.—Притаись въ этой ямкѣ! Я бросаю тебя травой и тебя не будетъ видно!

Я сѣла въ ямку и прижалась въ ней къ землѣ. Мать завалила меня

травой, а сама бросилась куда-то въ сторону. Собаки были уже совсѣмъ близко. Я высунула изъ-подъ травы голову и стала сморѣть, что будетъ съ матерью.

— Мама! Мама! жалобно закричала я.—Куда ты? Не оставляй меня одну!

— Тише! крикнула мнѣ мать.— Не произноси ни звука. Я сейчасъ спасусь въ этой водѣ.

Сквозь кусты, дѣйствительно, сверкала невдалекѣ вода. Мать со всего разбѣга прыгнула въ нее и стала въ ней по поясъ. Собаки тоже бросились въ воду и поплыли за ней. Сердце у меня замерло. „Что-то будетъ съ мамой?“ подумала я. Но какъ только первая собака приблизилась къ ней, такъ она тотчасъ же схватила ее передними лапами за голову и утопила ее. Собака долго барахталась въ водѣ, пока, наконецъ, не пошла окончательно на дно. Утопивъ, такъ шестерыхъ собакъ, мать выскочила изъ воды и помчалась далѣе, чтобы отвести отъ меня остальныхъ собакъ. Но было уже поздно. Онѣ скоро настигли ее. Тогда она остановилась, стала къ нимъ задомъ и, выждавъ, когда собаки подбѣжали къ ней поближе, стала поражать ихъ задними ногами.

Я сидѣла въ своей ямкѣ и дрожала отъ страха. Какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ самъ человѣкъ. Онъ замѣтилъ меня и низко на-

гнулся надо мной. Я закрыла глаза и вся похолодѣла.

— Какая славненькая! воскликнулъ онъ.—Сидитъ, растопыривъ ушки и высунувъ головку изъ-подъ травы! Джекъ, возьми ее живьемъ! Она намъ пригодится!

Сказавшій эти слова человѣкъ былъ бѣлый, а Джекъ—темнокожій австралійскій туземецъ. Онъ грубо вытащилъ меня изъ ямки, туго связалъ мнѣ заднія ноги, перебросилъ меня черезъ плечо и куда-то понесъ. Я висѣла внизъ головой, кровь прилила у меня къ глазамъ и мнѣ сильно хотѣлось пить. Въ изнеможеніи я высунула языкъ. А вдалькѣ все еще раздавались собачій лай и выстрѣлы.

„Что-то съ моей матерью?“ подумала я и лишилась сознанія.

Когда я пришла въ себя, то было уже темно. У меня попрежнему были связаны ноги и мнѣ страшно, мучительно хотѣлось пить. Я валялась на землѣ на боку. Рядомъ со мной лежало еще нѣсколько кенгуру, у которыхъ тоже были связаны ноги и высунуты языки.

— Пить, пить!.. стонали онѣ.— Намъ хочется пить! Дайте намъ хоть каплю воды!

Невдалекѣ отъ насъ горѣлъ костеръ, и вокругъ него сидѣли люди и ужинали. Около нихъ валялись убитыя кенгуру и сидѣли собаки съ такимъ видомъ, точно кончили очень трудную работу. Мнѣ было

холодно, захотѣлось погрѣться и поскорѣе влѣзть въ сумку къ матери, гдѣ для меня было всегда такъ уютно и тепло.

— Мама! Мама! закричала я.— Гдѣ ты? Возьми меня къ себѣ!

Ноникто не отозвался на этотъ мой стонъ, и я снова впала въ забытье.

дали намъ попить. Къ вечеру мы прибыли въ большой городъ, гдѣ горѣли на улицахъ фонари и ходило и ѣздило взадъ и впередъ много людей. Черезъ весь городъ насъ провезли въ гавань, гдѣ стоялъ у пристани пароходъ. Намъ въ мордочки подулъ морской вѣте-

— Идите сюда! Не бойтесь

Наступило утро, подѣхала телега и насъ, какъ телятъ, побросали на нее и куда-то повезли. Свѣсивъ головы внизъ и высунувъ отъ жажды языки, мы жадно лизали желѣзные полосы на телегѣ, на которыхъ осѣла роса. Насъ везли цѣлый день и ни разу не

рокъ и освѣжилъ наши затекшіе глаза.

— Вода! Вода! обрадовалась моя сосѣдка. — Сейчасъ намъ дадутъ попить!

Насъ взвалили къ себѣ на плечи носильщики и потащили на пароходъ. Они спустились съ нами

куда-то внизъ по крутой лѣстницѣ и помѣстили насъ въ какое-то странное мѣсто на пароходѣ, гдѣ было четыре глухихъ стѣны и свѣтъ проникалъ сверху въ окошечко на потолокъ. Здѣсь намъ развязали ноги. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ мы всѣ размялись

такъ, что у меня животъ отдулся, какъ шаръ.

Потомъ надъ нами раздался какой-то страшный ревъ. Мы всѣ встали на заднія ноги насторожились. Но оказалось, что это гудѣлъ пароходъ. Полныя страха и недоумѣнія, мы прослушали, какъ онъ

Что-то вкусное.

и потянулись! Приставленный къ намъ человѣкъ принесъ намъ охапку соломы и корытце. Въ корытце онъ влилъ намъ воды.

— Натѣ, пейте! сказалъ онъ — Вы давно уже хотите пить!

Мы бросились къ водѣ и пили, пили ее безъ конца. Я напилась

прогудѣлъ во второй и въ третій разъ, и примирились со своей судьбой.

Затѣмъ у насъ что-то заскрипѣло подъ поломъ, послышались всплески воды, и наша тюрьма качалась съ боку на бокъ. Это мы отчалили отъ берега. Пароходъ

отправился въ далекій путь въ Европу.

— Прощай, родина! вздохнула моя сосѣдка.—Прощай, ненаглядная Австралія!

А я, въ страхѣ, дрожа всѣми членами, забила въ уголокъ, меня пугали качка и скрипъ винта подъ поломъ и мнѣ хотѣлось плакать и кричать, что люди были такъ жестоки, что разлучили меня съ матерью и везли меня куда-то на чужбину далеко.

— Прощай, мама! шептала я.— Гдѣ ты теперь? Зачѣмъ ты тогда оставила меня одну?

И мы закачались по волнамъ.

Проходили дни за днями, тянулись длинныя, мучительныя ночи, — и вотъ наконецъ насъ привезли въ Гамбургъ и выгрузили на берегъ. Была осень, шелъ мелкій, холодный дождь и дулъ пронзительный, острый вѣтеръ. Я стояла на берегу, дрожала отъ страха и отъ холода и глядѣла, какъ выгружали изъ парохода другихъ животныхъ. Вокругъ меня стояли въ клѣткахъ страусы, утконосы, тигры, львы, леопарды, слоны, попугаи и всѣ они ревѣли и кричали отъ страха и отъ неизвѣстности будущаго. Тутъ-же между ними ходили содержатели звѣринцевъ, присматривались, прицѣплялись къ звѣрямъ, торговались, передавали деньги и покупали насъ. Явился какой-то господинъ въ шляпѣ, похожей на ведро, по-

глядѣлъ на меня и потрепалъ меня по шеѣ за ушками.

— А эта душка годится для нашего Зоологическаго сада! сказалъ онъ.

Меня и еще одну взрослую кенгуру посадили въ клѣтку, повезли на вокзалъ, погрузили въ товарный вагонъ и повезли въ поѣздъ дальше.

— Ты не знаешь, что это впереди насъ шипитъ и свиститъ? спросила меня старшая кенгуру, когда мы остались въ вагонѣ однѣ.

Но я боялась, дрожала всѣмъ тѣломъ и ничего не могла ей отвѣтить.

Рано утромъ насъ привезли въ какой-то большой городъ и въ тѣхъ-же клѣткахъ повезли въ Зоологическій садъ. Мнѣ было странно, что здѣсь утромъ было еще такъ темно, что горѣли на улицахъ фонари. Попржежнему дулъ рѣзкій вѣтеръ и шелъ мелкій дождь. Отъ продолжительной ѣзды по морю и въ вагонѣ и теперь по булыжной мостовой у меня болѣла голова и всю меня покачивало. Наконецъ мы пріѣхали на наше новое жилище. Послѣ тѣсной клѣтки мнѣ показалось въ Зоологическомъ саду просторно, и я радостно запрыгала.

— Ну, бѣгайте! обратился къ намъ смотритель.—Разомните свои члены! Вѣдь вы за дорогу устали!

У насъ оказался довольно большой дворикъ, поросшій травой, и при немъ избушка, въ которой

топили печи, чтобы намъ было тепло. Дворикъ этотъ былъ передѣленъ высокой желѣзной рѣшеткой на двѣ части. Въ сосѣднемъ дворикѣ не жилъ никто. Взрослая кенгуру и я поселились въ избушкѣ, часто выбѣгали во дворикъ и, когда свѣтило солнце, то мы вспоминали о нашей родинѣ и начинали играть. Приходили дѣти, которые смотрѣли на насъ сквозь рѣшетку и намъ казалось страннымъ, что наша неволя могла доставлять имъ удовольствіе. Приходили и взрослые. На одномъ изъ нихъ въ одинъ морозный день, когда вся трава на нашемъ дворикѣ покрылась инеемъ, похаживъ на сахаръ, высыпавшійся изъ колосьевъ сахарнаго тростника, я увидѣла шапку изъ нашего кенгуруваго мѣха и почему-то вспомнила о матери! Гдѣ-то она? Была-ли она жива? Не изъ-за этой ли шапки люди разлучили меня и ее?

Въ нашей избушкѣ мы прожили вдвоемъ до весны, когда вдругъ произошло событіе, котораго я, кажется, не забуду никогда. Въ одинъ изъ дней въ сосѣдній дворикъ вошелъ нашъ сторожъ, долго его подметалъ и въ другомъ отдѣленіи нашей избушки, выходявшемъ дверью въ этотъ сосѣдній дворикъ, постилалъ солому и раскладывалъ кормъ. Затѣмъ къ намъ подвезли фургонъ и изъ него выпустили къ намъ еще четырехъ кенгуру; двухъ въ нашъ дворикъ и двухъ въ со-

сѣдній. Каково-же было мое удивленіе, когда въ одной изъ новоприбывшихъ я узнала свою мать! Съ радостнымъ хрюканьемъ я подбѣжала къ ней, стала передъ нею на заднія ножки и захлопала ушками. Она сначала недовѣрчиво обнюхала меня, потомъ взяла меня въ переднія лапки и поднесла меня къ своей мордочкѣ.

— Мама! Мама! закричала я ей.

Она тоже захрюкала отъ радости, тоже захлопала ушками, а затѣмъ прижала меня къ своей груди и быстро стала совать меня къ себѣ въ мѣшокъ. Да, да, она тоже узнала меня! Для меня не оставалось въ этомъ никакого сомнѣнія! Но я уже выросла за время нашей разлуки настолько, что едва могла помѣститься въ этотъ ея мѣшокъ. Моей матерѣ было тяжело со мной, но за то, такъ уютно почувствовала себя около нея я! Какъ мнѣ было теперь тепло отъ ея тѣла и какъ я теперь не чувствовала себя съ ней одинокой!

Но моей матери было все ново вокругъ нея, она стояла на одномъ мѣстѣ и удивленно и со страхомъ озиралась по сторонамъ. Но это продолжалось только въ первыя минуты; далѣе все обошлось и она тоже стала привыкать къ своему новому жилищу.

Нужно-ли говорить, что послѣдовало потомъ? Мы скоро всѣ подружились, сжились и наша жизнь потекла уже не такъ одиноко, какъ

это было до сихъ поръ. Мы прыгали, рѣзвились, но все таки намъ было тѣсно и не по себѣ, такъ какъ мы скучали по своей далекой Австраліи и не могли ея забыть. И я часто задавала своей матери вопросъ: — За что, за какое преступленіе насъ такъ далеко завезли и держать въ неволѣ? Но мать и сама задавала себѣ этотъ вопросъ и не могла на него отвѣтить. Она и сама не могла этого понять и намъ обѣимъ казалось страннымъ, что мы въ неволѣ могли представлять собою интересъ для людей, о которыхъ мы часто слыхали, что они умны и добры...

— Какъ-же ты попала сюда, въ этотъ звѣринецъ? перебилъ кенгуру слонъ.

— Да, да, повторили хоромъ, и всѣ звѣри, слушавшіе рассказъ кенгуру, — какъ ты затѣмъ попала сюда?

Кенгуру глубоко вздохнула.

— Какъ я попала затѣмъ сюда? переспросила она. — Да такъ-же, какъ и всѣ вы! Какъ вотъ этотъ слонъ, эта несчастная обезьяна, этотъ попугай и левъ! Я состарѣлась, облысѣла и больше уже была не нужна въ Зоологическомъ саду.

Меня замѣнили тамъ другою плѣнницей, болѣе молодой и красивой, чѣмъ я, — а меня продали содержателю вотъ этого самаго звѣринца. Съ тѣхъ поръ я переѣзжаю съ мѣста на мѣсто, цѣлыя зимы дрожу отъ холода, никогда не вижу голубого неба и солнца и терпѣливо жду своего конца.

— Гдѣ-же теперь твоя мать? спросилъ опять слонъ.

— Не знаю, отвѣтила кенгуру. — Люди опять разлучили меня съ нею навсегда.

Всѣ звѣри замолкли. Смолела и кенгуру.

— Пора спать! со вздохомъ сказалъ слонъ. — Уже третій часъ ночи... Скоро въ нашихъ мѣстахъ заблестаетъ яркое, радостное солнце!.. Постарайтесь-же заснуть!

— А какъ-же я? вдругъ спросилъ изъ своей клѣтки бѣлый медвѣдь. — Я тоже хочу о себѣ кое-что рассказать!

— Ты расскажешь о себѣ въ слѣдующую ночь! перебилъ его слонъ.

И весь звѣринецъ затихъ. Только слышно было, какъ кашляла обезьяна да хлопалъ крыльями попугай.

С. Вершининъ.

СЛУЧАЙ ВЪ МОРЕ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Я былъ еще маленькій, мнѣ не было еще и двѣнадцати лѣтъ. Своего папу я не помню, а моя мама была предобрѣйшимъ существомъ, не чаявшимъ во мнѣ души. Я былъ ея единственнымъ сыномъ и вся наша жизнь проходила всегда вмѣстѣ. Мама учила меня читать и писать, водила меня гулять, мы вмѣстѣ играли, вмѣстѣ бѣгали по комнатамъ и даже плакали вмѣстѣ.

Часто къ намъ приходили дѣдушка и бабушка. Они тоже меня баловали и я любилъ, когда дѣдушка рассказывалъ мнѣ сказки. Часто всѣ мы ѣздили за городъ кататься, а на дачу выѣзжали всегда вмѣстѣ. Я не знаю другой такой семьи, гдѣ-бы члены ея жили такъ дружно, какъ мы.

Только скоро случилась неприятность. Мама простудилась, захватила плевритъ и долго послѣ него хворала. Я помню, какъ къ намъ сталъ часто ѣздить докторъ и какъ онъ сомнительно покачивалъ головой, когда дѣдушка и бабушка спрашивали его о здоровьѣ мамы. Мама блѣднѣла и худѣла съ каждымъ днемъ, старики тоже, глядя на нее, какъ-то сразу осунулись и притихли. Я чувствовалъ, что отъ меня начали что-то скрывать, къ тому-же

и мама иной разъ вдругъ ни съ того, ни съ сего хватала меня въ свои объятія и начинала плакать.

— Чего ты мама? обращался я къ ней. — О чемъ ты плачешь?

Но она не отвѣчала ничего.

Одинъ разъ мама прокашляла всю ночь. Бабушка и дѣдушка все время были около нея. Когда я проснулся среди ночи, то видѣлъ, какъ они сидѣли около маминой кровати и въ дремотѣ качали головами. А утромъ, думая, что я сплю и не слышу, дѣдушка шепнулъ бабушкѣ какъ разъ около моей кровати:—

— Надо везти ее въ теплые края.. Иначе она не поправится никогда.

Помнится, я горько заплакалъ, укрывшись одеяломъ съ головой.

Затѣмъ мы стали собираться за границу. Было рѣшено, что мы всѣ четверо отправимся въ Швейцарію и поселимся тамъ гдѣ-нибудь на берегу Женевского озера. Тамъ мама будетъ грѣться на солнышкѣ, дышать горнымъ воздухомъ и ѣсть виноградъ. И дѣйствительно, скоро мы поселились въ Территѣ въ хорошенькомъ домикѣ на берегу Женевского озера, сплошь обросшемъ розами. Изъ нашихъ оконъ виднѣлось все озеро, какъ на ладони, по ту сторону

его возвышались великолѣпные голубые Альпы съ покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ вершинами, а внизу подъ нами, прямо изъ воды возвышался суровый Шильонскій замокъ. Мама цѣлыми днями стала просиживать на террасѣ нашего домика, бабушка и дѣдушка окружали ее со всѣхъ сторонъ своими заботами, а я съ утра и до вечера бѣгалъ по берегу озера и плескался въ его лазурныхъ струяхъ, и наша жизнь потекла, какъ сказка. Часто мы развѣзжали по окрестностямъ и это очень насъ развлекало.

Мама стала быстро поправляться. Она стала замѣтно полнѣть, хорошо ѣсть и почти совершенно перестала кашлять. Въ нашемъ домѣ опять воцарились тѣ радость и счастье, которыя когда-то чуть не оставили насъ совсѣмъ. Мы всѣ воспрянули духомъ и стали звонко смѣяться.

— Слава Богу! то и дѣло повторялъ дѣдушка. — Слава Богу!

А бабушка украдкой крестилась и тоже шептала: — Слава Богу!

Затѣмъ наступила зима. Начались холода, стали выпадать снѣгъ и горы нахмурились такъ, что стало скучно. Мама опять-было нахохлилась, но дѣдушка и бабушка пригласили доктора и тотчасъ-же собрали ее въ еще болѣе теплыя края. Было рѣшено, что мама и я отправимся на вѣчно-цвѣтущій островъ Гернси въ Атлантичес-

комъ океанѣ, недалеко отъ Англїи, на которомъ никогда не бываетъ зимы, а дѣдушка и бабушка останутся въ Террите, на берегу Женевского озера и будутъ поджидать насъ до весны.

Недѣлю спустя, мы были уже на островѣ Гернси. Не могу описать того чувства удивленїя, которое я испыталъ, когда на большомъ пароходѣ мы съ мамой плыли по океану отъ Франціи до Гернси. Безбрежное море тихо плескалось о борты нашего парохода, играла музыка и на палубѣ были танцы, выскакивали изъ воды дельфины. Я глядѣлъ на всю эту массу воды, на этихъ веселившихся, счастливыхъ людей, которые съ такимъ увлеченїемъ танцевали, и мнѣ и самому хотѣлось прыгать и танцевать. Мама тоже была очень довольна.

Мы наняли маленькій меблированный домикъ въ саду, сбѣгавшемъ до половины холма, въ полуверстѣ разстоянїя отъ порта св. Петра, и весь его наполнили цвѣтами. Цвѣтовъ здѣсь было такъ много, несмотря на зимнее время, и такъ они тамъ дешевы, что не имѣть ихъ считается тамъ неприличнымъ. Окно изъ маленькаго кабинетика мамы выходило прямо на синее море, которое здѣсь казалось еще синѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Европѣ. Вдалекѣ виднѣлись островки съ красивыми дачами, а вблизи, у

берега, бѣлѣли, точно крылья чаекъ, паруса, мелькавшіе туда и сюда по кудрявымъ, лазурнымъ водамъ. И едва только мы вошли въ первый разъ въ этотъ домикъ и оглядѣлись вокругъ, какъ у мамы и у меня вдругъ вырвался радостный крикъ:—

— Ахъ, какъ хорошо!

И мы поселились въ Гернси. Мама выздоровѣла совсѣмъ, мы бѣгали съ нею, какъ въ былыя времена, по нашему саду, смѣялись, шутили, вмѣстѣ играли и часто спускались къ самому берегу, и шалили въ водѣ. Солнце свѣтило съ радостныхъ небесъ, кругомъ сладко пахло цвѣтами и, какъ теперь помню, на мамѣ былъ бѣлый фланелевый костюмъ, отдѣланный голубыми полосками, и она мнѣ казалась лучше всѣхъ.

Такъ прошелъ мѣсяць. Намъ писали изъ Россіи, что тамъ были жестокіе морозы, но у насъ было тепло и свѣтило радостное солнце и какъ-то не хотѣлось вѣрить, что гдѣ-то была еще зима.

Вдругъ отъ дѣдушки изъ Швейцаріи пришло письмо. Онъ писалъ намъ, что его спѣшно вызываютъ въ Россію и что онъ долженъ ѣхать туда непременно. Но такъ какъ бабушка и слышать ничего не хочетъ о возвращеніи домой, то онъ долженъ ее отправить тоже къ намъ на островъ Гернси. Поэтому онъ привезетъ ее на берегъ Атлантическаго океана въ Брестъ. Но

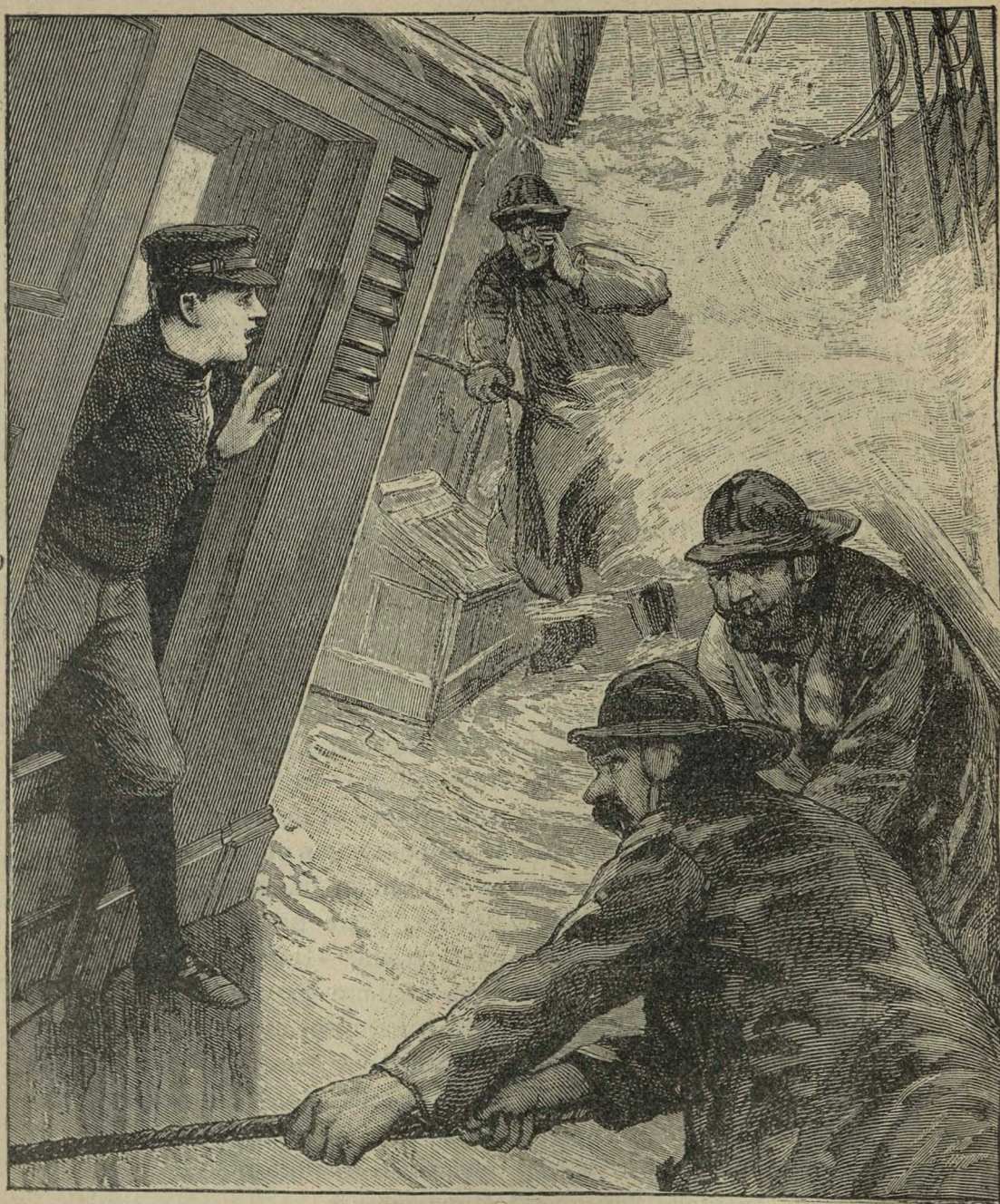
она боится моря. Такъ не могу ли я, Миша, оставить маму только на двое сутокъ одну и приѣхать за бабушкой въ Брестъ? Тамъ онъ передастъ мнѣ, какъ мужчинѣ, бабушку съ рукъ на руки и кстати повидается и со мной. Онъ писалъ мамѣ, что теперь я уже большой, что мнѣ вполне можно довѣрять и можно положиться на меня и что если она отпуститъ меня одного въ Брестъ, то этимъ только докажетъ, что поступила хорошо, такъ какъ я мальчикъ, скоро буду юношей, и долженъ иногда быть предоставленъ и самому себѣ.

Батюшки! У меня закружилась голова! Меня назвали уже большимъ, поручали мнѣ бабушку и главное—отпускали меня такъ далеко одного! Сердце во мнѣ забилось, лицо стало пылать и отъ нетерпѣнія я не зналъ, что дѣлать. Я отправляюсь за бабушкой одинъ!

— Только зачѣмъ они ѣдутъ на Брестъ, а не на Шербургъ? вздыхала мама.—Вѣдь на Брестъ будетъ дальше ѣхать моремъ!

Но я ликовалъ. Чѣмъ дальше и длиннѣе будетъ путешествіе моремъ, тѣмъ болѣе поводовъ для меня воображать себя великимъ путешественникомъ и ожидать приключеній.

Но вотъ отъ дѣдушки пришла телеграмма, что оба они съ бабушкой уже въ Брестѣ и ждутъ меня. Мама въ свою очередь телеграфировала имъ изъ Гернси, что я

Это была ужасная ночь. Теперь ужь буря свирѣпла..

завтра же выѣзжаю къ нимъ съ лѣе отправится во Францію въ
пароходомъ „Дельфинъ“, который Брестъ.
нынче въ ночь прибудеть изъ Отъ волненія я не спалъ всю
Англии въ Гернси и затѣмъ да- ночь. Вечеромъ дѣйствительно

Больной и докторъ.

пришелъ „Дельфинъ“, но оказался плохимъ пароходикомъ и слѣдовало бы ѣхать съ другимъ; но нетерпѣніе мое было такъ велико, что мама должна была примириться со своими опасеніями и отпустить меня во Францію за бабушкой на немъ.

Утромъ была непріятная погода. Дулъ вѣтеръ, по океану прыгали барашки и на пристани поднималась пыль. Мама проводила меня на пароходъ, раздался третій гудокъ и она оставила меня одного.

— А то бы подождать другого парохода? обратилась она ко мнѣ въ послѣднюю минуту. — Э тотъ ужъ очень плохъ...

Я бросился къ ней на шею, мы простились, раздалась команда капитана и нашъ пароходъ, какъ мячикъ, отскочилъ отъ берега и сталъ выходить въ океанъ. Я стоялъ у борта и долго смотрѣлъ, какъ удалялся отъ меня нашъ милый островъ. На берегу стояла моя мама и махала мнѣ платкомъ. Но вотъ ужъ скрылась и она. Пароходъ вышелъ въ открытое море и закачался по его волнамъ. Я съ гордостью ходилъ по его палубѣ взадъ и впередъ и воображалъ себя великимъ мореплавателемъ. Покачивало. Дулъ вѣтеръ и все небо заволочло тучами. Затѣмъ качка стала настолько ощутительной, что я не могъ даже обѣдать. Часамъ къ тремъ дня море потемнѣло, вздулось, зашумѣло и нашъ пароходъ сталъ высоко подскаки-

вать на гребняхъ его волнъ. Онъ вспрыгивали на его палубу и окатывали собою матросовъ. По ихъ лицамъ и озабоченнымъ движеніямъ я скоро понялъ, что они ожидали серьезной бури и готовились къ ней. Мнѣ стало страшно.

— Зачѣмъ я поѣхалъ?.. думалъ я и мнѣ представлялась уже моя мама, стоявшая на берегу и махавшая мнѣ платкомъ.

Что она теперь дѣлаетъ? Думаетъ-ли она обо мнѣ? Знаетъ-ли она, что поднимается буря?

А море волновалось все больше и сильнѣе. Теперь уже нашъ бѣдный пароходъ подбрасывало, какъ щепку, и волны совершенно заливали его со всѣхъ сторонъ. Я цѣлый день не могъ ничего ѣсть и все молился Богу. Летали съ крикомъ какія-то птицы, море шумѣло такъ, что заглушало крики матросовъ. Затѣмъ наступила ночь.

Это была ужасная ночь. Теперь уже буря свирѣпѣла. Нашъ бѣдный „Дельфинъ“, то высоко взлеталъ на гребни волнъ, а то всею своею тяжестью падалъ внизъ, точно въ пропасть, такъ что у меня подгибались колѣни, и я едва держался на ногахъ. Чудовищныя волны съ страшной силой ударялись о бока парохода и онъ жалобно скрипѣлъ и стоналъ. Затѣмъ яркія молніи стали бороздить небо и освѣщать точно въ котлѣ клокотавшій океанъ и глухіе раскаты грома гулко отдавались на водной поверхности.

Я плакалъ.

— Господи, спаси насъ... молился я.— Не дай намъ утонуть!

Всю ночь продолжалась гроза. Къ утру меня укачало и я повалился на койку и, какъ былъ въ одеждѣ, забылся безпокойнымъ сномъ.

Вдругъ страшный толчокъ и трескъ разбудили меня. Я вскочилъ на ноги и выбѣжалъ наверхъ. Чуть брезжило утро.— Нашъ пароходъ лежалъ на боку и волны заливали его со всѣхъ сторонъ. Матросы въ кожаныхъ курткахъ, не спавшіе всю ночь, тянули за какой-то канатъ, раздавалась команда капитана, кто-то кричалъ еще и другой и было похоже на то, что мы тонули.

— Что такое? спросилъ я.— Что случилось?

— Наскочили на подводный камень... угрюмо отвѣтилъ мнѣ матросъ.

Я сдѣлалъ два шага по палубѣ и при всеобщей суматохѣ увидѣлъ, что мачта у насъ была сломана и лежала вдоль корабля. Волны окатывали меня съ ногъ до головы и по лицамъ матросовъ и капитана я понялъ, что положеніе наше было теперь таково, что если къ намъ не придутъ на помощь, то всѣ мы должны погибнуть.

Затѣмъ нашъ пароходъ сталъ гудѣть, чтобы дать о себѣ знать. Его продолжительный гудокъ надрывалъ мнѣ душу и почему-то

мнѣ было тошно и хотѣлось лежать. Мысли о мамѣ уже не приходили мнѣ въ голову, я былъ единственнымъ пассажиромъ на всемъ кораблѣ и это еще болѣе усиливало во мнѣ острую боязнь за мою жизнь. Гудѣлъ гудокъ. Шипѣла машина. Ревѣло море. Съ грохотомъ работала лебедка, выгружая товары, и матросы поднимали ихъ и бросали прямо въ море, чтобы облегчить пароходъ.

А буря становилась все сильнѣе и сильнѣе. Я чувствовалъ, какъ замирало мое сердце и какъ я нуждался въ чьей-нибудь нравственной поддержкѣ, но я былъ совершенно одинокъ, мнѣ было всего только двѣнадцать лѣтъ и некому было взять меня за руку, ободрить и успокоить. И я ходилъ по палубѣ, съ ужасомъ смотрѣлъ на злобствовавшее море, пожимался отъ обдававшихъ меня волнъ и шепталъ:—

— Господи!.. Господи!.. Когда же это все кончится? Когда это пройдетъ?

Наступило утро, наступилъ затѣмъ день, а буря съ каждымъ часомъ становилась все ужаснѣе и злѣе и мы все еще продолжали сидѣть на камняхъ. Съ нетерпѣніемъ мы ожидали помощи, но она не приходила, и положеніе наше становилось безнадежнымъ.

— А гдѣ-же лодки? спросилъ я у одного матроса.— Неужели мы не можемъ спастись на лодкахъ?

Онъ угрюмо посмотрѣлъ на меня и съ горечью отвѣтилъ:—

— Всѣ шлюпки сорвались во время удара и потонули въ морѣ. Осталась только одна, которую капитанъ приберегаетъ до послѣдней минуты.

И эта послѣдняя минута наступила.

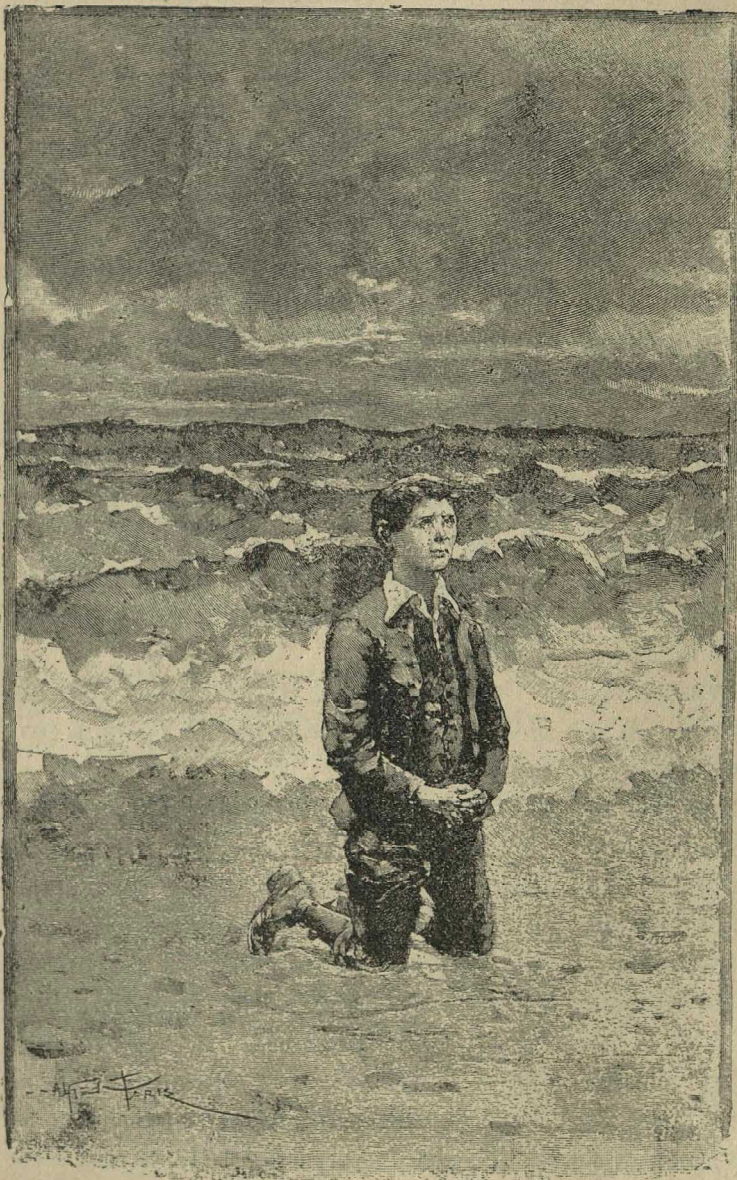
Я помню, какъ страшныя волны стали ломать нашъ пароходъ. Сквозь образовавшуюся течь вода хлынула внутрь, залила каюты, такъ что всѣ мы должны были выскочить наверхъ.

Но и здѣсь насъ обливали волны и каждую минуту готовы были сорвать насъ съ парохода и унести въ море. Затѣмъ, когда наступила ночь, чьи-то двѣ сильныя руки схватили меня и куда то понесли.

— Куда мы? спросилъ я.

— Въ лодку... отвѣтилъ несшій меня матросъ. — Теперь оставаться на пароходѣ уже нельзя, и надо плыть къ берегу въ лодкѣ...

Было темно, шипѣли волны, нѣсколько человѣкъ усѣлись въ лодку и среди нихъ находился и я. Затѣмъ раздалась команда, матросы взмахнули веслами и насъ понесло, какъ щепку. Я не зналъ, куда мы плыли, да думаю, не зналъ изъ всѣхъ насъ

Я сталъ молиться Богу.

и никто, мы предались на волю Бога и насъ несло, невѣдомо куда. Мнѣ было холодно, я не ѣлъ уже два дня и скоро лишился чувствъ.

Я не знаю, что произошло съ нашей лодкой и куда дѣвались мои товарищи-матросы, съ которыми я плылъ. Когда я пришелъ въ себя, то я увидѣлъ себя лежавшимъ на песчаномъ берегу. Около меня ревѣло море, было раннее утро и хмурое небо обступило меня со всѣхъ сторонъ. На всемъ пустынномъ берегу я былъ совершенно одинъ. Мнѣ было попрже- нему холодно и я весь промокъ до костей. Точно тяжкій сонъ, все пережитое мною за эти два дня, пронеслось въ моей головѣ, я вспомнилъ, какъ я спасался съ матросами на лодкѣ и какъ лишился чувствъ, и понялъ, что изъ всѣхъ пассажировъ нашего парохода спасся только я одинъ и что море выбросило меня на берегъ одного и оставило меня въ живыхъ. И я тутъ-же, гдѣ былъ, всталъ на колѣни и горячо сталъ молиться Богу и благодарить Его за спасеніе. Но усталость и пережитыя страданія пересилили меня и я снова повалился на мокрый песокъ и снова лишился чувствъ...

Шли два крестьянина. Они увидали

меня лежавшимъ на берегу, подняли, въ чемъ дѣло, и стали меня будить. Но, какъ мнѣ сказали потомъ, я не просыпался и долго не приходилъ въ себя. Тогда одинъ изъ нихъ взялъ меня за ноги, а другой за плечи и оба они понесли меня къ себѣ въ деревню. Когда я снова пришелъ въ себя, то увидѣлъ себя въ мягкой постели. На мнѣ было теплое одѣяло. Противъ меня горѣлъ въ очагѣ огонь. По скромной обстановкѣ я догадался, что я былъ въ крестьянской избѣ. Около меня сидѣли молодой человекъ и какая-то женщина въ громадномъ бѣломъ чепцѣ.

— Вотъ видишь, дядюшка Пьеръ, обратился молодой человекъ къ сидѣвшему у окошка старику въ суконной ермолкѣ. — Я говорилъ тебѣ, что онъ скоро придетъ въ себя!

— Это хорошо, милѣйшій Жакъ! отвѣтилъ старикъ. — Теперь ему

Пьеръ и Жакъ понесли меня къ себѣ въ деревню.

нужно дать полстакана вина и поѣсть.

Женщина въ чепцѣ подала мнѣ вино и чашку съ супомъ, въ которомъ было разболтано яйцо. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ я выпилъ это вино и съѣлъ этотъ супъ! За эти двое сутокъ я проголодался такъ, что могъ бы съѣсть цѣлый возъ картофеля вмѣстѣ съ шелухой.

— Гдѣ я? спросилъ я потомъ.

— Въ Нормандіи, отвѣтилъ Жакъ, — въ деревнѣ Кутрѣ. Мы подняли тебя на берегу. Ты лежалъ тамъ безъ чувствъ. Если можешь, то расскажи намъ, что съ тобою произошло? Была большая буря и навѣрное ты потерпѣлъ крушеніе.

Уже тогда я отлично говорилъ по-французски. Я сообщилъ имъ, кто я такой, куда ѣхалъ и вообще рассказалъ имъ все. Слушая меня, они всплескивали руками, а женщина въ громадномъ чепцѣ утирала слезы и ужасалась. Затѣмъ, когда я кончилъ свой рассказъ, дядюшка - Пьеръ и Жакъ вышли изъ домика и долго не возвращались. Меня стало знобить. Отъ озноба я сталъ стучать зубами, а потомъ у меня былъ жаръ. Женщина въ чепцѣ заботливо укутала меня со всѣхъ сторонъ и дала мнѣ чего-то выпить.

— Ты простудился, дитя мое... сказала она. — Постарайся уснуть и къ утру это пройдетъ.

Въ это время возвратились Пьеръ и Жакъ.

— Мы посылали въ Брестъ телеграмму, сказалъ Жакъ, — по тому адресу, который указалъ намъ этотъ храбрый мальчикъ Мишель, и вотъ получили на нее отвѣтъ. Этого мальчика ждуть его дѣдушка и бабушка, которые очень беспокоятся о немъ, и мы должны сейчасъ же отвезти его на станцію и посадить въ вагонъ. Иначе онъ можетъ у насъ расхвораться и тогда уже будетъ поздно.

Они стали собирать меня въ путь, женщина въ чепцѣ укутала меня въ шаль и въ такомъ видѣ Жакъ посадилъ меня въ таратайку и повезъ на вокзалъ. У меня былъ жаръ. Я чувствовалъ, какъ мое дыханіе обжигало мнѣ верхнюю губу и какъ было сухо у меня въ горлѣ и во рту. Затѣмъ я впалъ въ полузабытѣе и уже не помню хорошо, какъ Жакъ сажалъ меня въ вагонъ и какъ строго наказывалъ кондуктору беречь меня и въ цѣлости доставить въ Брестъ.

— Это—герой! говорилъ онъ ему и тутъ же рассказалъ всѣмъ пассажирамъ обо всемъ, что мнѣ пришлось пережить.

Я слышалъ сквозь забытѣе, какъ пассажиры ахали и высказывали свое удивленіе и какъ пересказывали затѣмъ мою исторію другимъ.

А въ это время мои дѣдушка и бабушка переживали въ Брестѣ

тяжелые часы. Я долженъ былъ явиться къ нимъ еще вчера утромъ, они поджидали меня, но такъ и не дождались въ теченіи цѣлаго дня. Чувство безпокойства стало закрадываться въ ихъ души. А когда вечеромъ они шли отъ пристани къ себѣ въ гостиницу и смутно предчувствовали бѣду, на улицѣ вдругъ слышались крики газетчиковъ, продававшихъ вечернія газеты:

— Страшное несчастье въ морѣ! Гибель парохода „Дельфинъ“.

Услышавъ названіе парохода, который они выходили встрѣчать, они въ ужасѣ опустили руки и долго стояли посреди улицы, не имѣя силъ двинуться впередъ. А затѣмъ дѣдушка взялъ бабушку подъ руку и они еще долго проходили по улицамъ чужого города, не говоря другъ съ другомъ ни слова и молча перенося свалившееся на нихъ горе. А когда они возвратились къ себѣ въ гостиницу, то все стало казаться имъ чуждымъ, и, какъ говорилъ мнѣ потомъ дѣдушка, безнадежнымъ впереди.

— Бѣдный мальчикъ! вздыхала бабушка и отъ тяжелаго горя слезы потекли у нея изъ глазъ.

— Бѣдная мать! говорилъ дѣдушка.—Какъ-то она это перенесетъ!

И воспользовавшись тѣмъ, что бабушка вышла изъ номера въ коридоръ, чтобы поплакать тамъ на

свободѣ, дѣдушка закрылъ обѣими руками лицо и плакалъ, плакалъ безъ конца.

А потомъ ему вдругъ подали телеграмму. Онъ распечаталъ ее, прочиталъ, и вдругъ, какъ маленькой, вскочилъ съ мѣста и сталъ бѣгать по комнатѣ. Какіе-то Пьеръ и Жакъ изъ Кутрэ сообщали ему, что ихъ внукъ живъ, что его выбросило на берегъ и что онъ находится у нихъ и, повидимому, совершенно здоровъ и невредимъ.

— Старуха! Старуха! закричала онъ бабушкѣ.— Анна Егоровна, поди скорѣе сюда! Нашъ Миша живъ! Читай!

Бабушка взяла у него изъ рукъ телеграмму и тоже стала радоваться, какъ дитя.

Потомъ они потребовали себѣ чернилъ, составили телеграмму и послали ее къ Пьеру и Жаку.

А на слѣдующее утро я былъ уже въ Брестѣ. Когда поѣздъ подошелъ къ вокзалу, то дѣдушка, какъ вихрь, вбѣжалъ ко мнѣ въ вагонъ, схватилъ меня на руки и вынесъ на воздухъ. Но я былъ боленъ и плохо сознавалъ, что происходило вокругъ меня. Я не слышалъ ни ласкъ бабушки, ни ея разспросовъ, ни дѣдушкиныхъ хлопотъ. А когда я вновь раскрылъ глаза и почувствовалъ себя уже здоровымъ, то свѣтило солнце и около меня стояла мама, тоже здоровая и полная жизни, какъ

былъ полонъ ею и я. Я прохворалъ около трехъ недѣль, но теперь былъ здоровъ и цѣлая жизнь открывалась передо мною впереди.

Счастье, что мама выздоровѣла

совсѣмъ, захватило меня всего, цѣликомъ, я радовался, прыгалъ, шумѣлъ и передъ этимъ счастьемъ поблѣднѣло для меня все, что я испыталъ самъ и что казалось мнѣ теперь только тяжелымъ, далекимъ, кошмарнымъ сномъ.

А затѣмъ мы всѣ уѣхали къ себѣ въ Россію. Здравствуй милая, ненаглядная родина! Развѣ можетъ гдѣ-нибудь быть лучше и раздольнѣе, чѣмъ на тебѣ, на твоихъ привольныхъ, широкихъ поляхъ колосистой ржи, въ твоихъ восхитительныхъ безконечныхъ, ароматныхъ лѣсахъ и на берегахъ твоихъ могучихъ, широкихъ, полноводныхъ рѣкъ? Есть ли на свѣтѣ страна лучше и роднѣе тебя?

М. Ч.

Дѣдушка схватилъ меня на руки и вынесъ на воздухъ.

На сторожѣ.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

(Продолженіе).

Въ тѣ далекія времена поѣзда ходили еще медленно и на каждой большой станціи стояли по часу и дольше. Но это меня очень интересовало. Мы выходили съ мамой изъ вагона и гуляли по платформѣ, не торопясь пили чай и закусывали, а когда пріѣхали въ Курскъ, то почему-то должны были пересаживаться въ другой поѣздъ. Здѣсь мы простояли цѣлые два часа и, отъ нечего дѣлать, пошли отъ вокзала пройтись по городу. Но городъ оказался отъ станціи верстахъ въ трехъ,—такъ прежде строили желѣзныя дороги. Около вокзала былъ небольшой базаръ, на которомъ хохлушки продавали въ горшкахъ горячій борщъ и жареныхъ утокъ и гусей. Мы купили за 40 копѣекъ цѣлаго гуся и за 20 коп. курицу, да такъ и ѣли ихъ всю дорогу до Севастополя. Остатки отдали кондуктору.

Это былъ въ общемъ тяжелый, утомительный путь. Тряска и громыханье вагона, долгія остановки и непривычка къ длиннымъ поѣздамъ утомили маму и она пріѣхала въ Крымъ совсѣмъ больной. Но я не чувствовала никакой усталости. Я цѣлые дни стояла у окна и смотрѣла на лѣса, поля, степи и деревни, мимо которыхъ проходилъ нашъ поѣздъ. Меня занимало въ дорогѣ все. Когда-же мы подѣзжали къ Севастополю и стали проскакивать сквозь туннели, а затѣмъ я увидала голубое

безбрежное море, то восторгу моему не было границъ. Я трепала на весь вагонъ, прыгала, не знала, какъ себя унять, надоѣдала съ вопросами мамѣ. Но у нея сильно болѣла голова и мнѣ было жаль, что она сидѣла съ печальнымъ выраженіемъ лица и полузакрывъ глаза.

„Что-то нашъ папа?“ то и дѣло вздыхала она.—„Ты не замѣтила, Лиза, какъ онъ странно пожимался, когда насъ провожалъ? Точно онъ простудился и не чувствовалъ себя хорошо!“

То, что папа плохо себя чувствовалъ, когда усаживалъ насъ въ вагонъ, я замѣтила еще раньше мамы. У него измѣнился голосъ, онъ то и дѣло подносилъ платокъ къ носу и потиралъ себѣ горло, но я слишкомъ была занята предстоявшей поѣздкой, чтобы придать этому какое-нибудь особое значеніе.

— Ничего, мамочка!.. старалась я утѣшить мать.—Ты преувеличиваешь!

Въ Севастополѣ мы дали телеграмму управляющему Литвинову, что сегодня уже будемъ въ Ялтѣ, и сѣли на пароходъ. Боже мой! Съ какимъ восторгомъ я бѣгала по палубѣ, глядѣла на выскакивавшихъ изъ воды дельфиновъ и слѣдила за длинной изумрудной полосой, которую оставлялъ за собой на поверхности моря нашъ пароходъ! Все было для меня ново и интересно. Я не могла оторвать

глазъ отъ длинной ленты заходившихъ за облака лиловыхъ горъ, которыя тянулись сбоку насъ изъ края въ край и казались мнѣ такими красивыми, какъ въ сказочномъ снѣ. Повеселѣла и мама. Она все время сидѣла на палубѣ, глядѣла въ бинокль на горы, и я замѣтила даже, что на щекахъ у нея появился румянецъ. Погода была великолѣпная.

— Мамочка, сказала я ей, — я увѣрена, что ты здѣсь поправишься. Посмотри, какъ здѣсь хорошо!

Повидимому, мама и сама была увѣрена въ этомъ, потому что улыбнулась такъ счастливо, какъ не улыбалась уже давно.

Въ шесть часовъ вечера мы стали подплывать къ Ялтѣ. Тогда это было еще маленькій городокъ съ одной только церковью и вовсе безъ пристани. Пароходъ остановился вдали отъ берега и насъ высаживали въ лодку, а затѣмъ на лодкѣ везли до города. У самага берега шумѣлъ прибой и не давалъ возможности пристать. Я помню, какъ одинъ татаринъ взвалилъ къ себѣ на плечи меня, а другой маму — и оба они вынесли насъ на берегъ въ бродѣ.

Вечерѣло. Обступившія Ялту горы хмурились и утопали въ темно-лиловый дымкѣ. Море было спокойно, какъ зеркало; вдалекѣ гдѣ-то игралъ оркестръ. Кричали какія-то насѣкомыя, пахло какими-то духами. Въ воздухѣ было тепло и влажно. Темные кипарисы стояли аллеями, какъ часовые на стражѣ, и было такъ хорошо, такъ хорошо, что я не сумѣла-бы выразить этого словами.

Какой-то человекъ подошелъ къ намъ и приподнял фуражку.

— Не вы-ли, сударыня, въ имѣніе къ господину Литвинову? спросилъ онъ. — Лошади васъ ждутся!

Мы обрадовались. Для насъ былъ высланъ превосходный фаэтонъ-корзина, мы усѣлись въ него и поѣхали. Скоро Ялта осталась далеко позади насъ, но музыка еще долго слышалась намъ вслѣдъ. Все время поднимаясь по шоссе, мы забрались такъ высоко, что море стало казаться намъ гдѣ-то далеко внизу. Иногда, при поворотѣ мы видѣли Ялту, въ которой уже мелькали огоньки и нашъ пароходъ, который, точно маленькая мушка, все еще стоялъ на ея рейдѣ. Мама была довольна.

Отъ массы впечатлѣній, отъ всего пережитого и отъ морского воздуха меня стало клонить ко сну. Когда свечерѣло еще больше, то я положила мамѣ голову на колѣни и стала сладко дремать. Было кругомъ тихо и только слышно было, какъ стучали лошади копытами о шоссе. Затѣмъ я заснула.

Когда я проснулась, то увидала себя на рукахъ какой-то женщины. Она переносила меня изъ экипажа въ тотъ домикъ, въ которомъ мы должны были поселиться. Было уже совсѣмъ темно, мерцали звѣзды и, судя по огонькамъ мелькавшимъ въ отдаленіи, можно было предположить, что насъ со всѣхъ сторонъ обступили горы. Внизу, почти у самага нашего домика, шумѣло у камней море: — шшш!.. шшш!..

Мнѣ не хотѣлось раскрывать глаза и сонъ положительно сковалъ всѣ мои члены.

— Милая ты моя! говорила надо

мною женщина.—Золотая ты моя! Устала, голубушка!

Я не помню, какъ мѣня потомъ раздѣли и какъ уложили спать. Когда-же я проснулась, то было уже утро. Мама еще спала. Я быстро одѣлась и выскочила на дворъ. Нашъ домикъ былъ всего только въ двѣ комнатки и весь былъ увѣшанъ вьющимися розами, которыя были въ полномъ цвѣту. Небольшой садикъ былъ полонъ цвѣтовъ, цвѣла магнолія и испускала свой удивительный аромат; въ сторонѣ стоялъ домъ самого Литвинова, въ которомъ теперь не жилъ никто, и кругомъ тѣсно, точно стѣной, обступали горы. Нашъ домикъ стоялъ у самаго моря и вѣчный прибой шумѣлъ между камней и лизалъ позеленѣвшій отъ времени гранитный берегъ. Море было такъ близко, что во время бури волны его хлестали прямо по нашимъ стекламъ. Было пасмурно. Повидимому, ночью былъ дождь, потому что всѣ деревья и кустарники и камешки на дорожкахъ были влажны. По вершинамъ горъ ходили сѣрые облака.

Мнѣ сразу-же бросилась въ глаза необыкновенная тѣснота имѣнія Литвинова: все оно было сжато въ горахъ и притиснуто къ нимъ моремъ, въ немъ негдѣ было побѣгать и если-бы понадобилось погулять, то пришлось-бы взбираться на горы. Но мнѣ ужасно въ немъ понравилось съ перваго же взгляда. Оно походило на хорошенькую коробочку, сплошь набитую цвѣтами, и я почувствовала въ немъ себя птичкой, попавшей въ теплое гнѣздышко. Я сбѣжала къ морю, стала болтаться

въ водѣ, собирать кругленькіе камешки и мнѣ было пріятно слѣдить за набѣгавшими и уходившими назадъ гребнями прибоя. Я не могла наглядѣться на лиловыя горы и на цвѣты, которыхъ было такъ много, что, казалось, можно было-бы завалить букетами весь Петроградъ. Но этимъ и ограничивался мой рай. Далѣе каменнаго забора окружавшаго имѣннице, некуда было выбѣжать и какъ-то самъ собой сталъ приходить въ голову вопросъ:—

— И это все?

Меня увидала та женщина, которая переносила меня вчера на рукахъ изъ экипажа въ домъ, и бросилась ко мнѣ со всѣхъ ногъ.

— Здравствуй, моя красавица! сказала она. — Дай, я поцѣлую тебя, ненаглядную! Ужъ такъ давно я не видала здѣсь русскихъ дѣтей!

Она оказалась русской бабой, пріѣхавшей сюда на заработки... У нея остались дома, въ Ярославской губерніи, малыя дѣти, по которымъ она скучала и на содержаніе которыхъ отсылала свекрови весь свой заработокъ. Она стала меня обнимать такъ крѣпко, что я едва могла дышать отъ ея объятій, и все повторяла:—

— Милая ты моя! Хорошая ты моя! Залетѣла ты сюда къ намъ такъ далеко!

Я хотѣла въ свою очередь сказать ей что-нибудь пріятное и радостно воскликнула:—

— Какъ у васъ здѣсь хорошо!

Она покачала головой и тихонько, точно про себя, со вздохомъ проговорила:—

— Хорошо-то оно, хорошо, а все-таки дома лучше!

Когда я вернулась домой, то

мама уже встала. Мы напились чаю, мама устроилась по домашнему, разложила всѣ вещи по мѣстамъ и мы вышли съ ней гулять. Ей очень понравилось наше новое мѣстожителство. Мы долго просидѣли съ ней у самой воды, долго гуляли по саду, а затѣмъ плотно пообѣдали и улеглись спать. Намъ утомило отъ приморскаго воздуха. Обѣдъ намъ прислали отъ управляющаго, а услуживала намъ та самая женщина, которая меня обнимала. Звали ее Ольгой. Пока мы съ мамой ѣли, она стояла у косяка двери, смотрѣла на насъ жалостными глазами и, подперевъ щеку кулакомъ, все время причитала:—

— Милыя вы мои! Хорошія вы мои! Залетѣли вы къ намъ въ далекіе края!..

Она очень понравилась мамѣ. Не прошло и двухъ дней, какъ между моей мамой и этой простой, искренней женщиной завязалась близкая дружба. Ольга относилась къ ней съ почительностью, а мама съ полной довѣрчивостью и цѣлые вечера я могла наблюдать потомъ, какъ обѣ онѣ, при свѣтѣ лампы, повѣряли другъ дружкѣ свои горести и печали и старались одна другую утѣшить.

А затѣмъ потекли дни за днями. Погода рѣзко измѣнилась, дулъ сильный вѣтеръ, шелъ долго такой дождь, что размылъ нашъ садикъ, и шумѣло море. Въ нашемъ домикѣ стало холодно и неуютно, почему-то очень захотѣлось къ себѣ обратно въ Россію и все это время некуда было выйти и негдѣ было погулять. А море съ утра и до вечера и всѣ ночи рвалось прямо

къ намъ въ окна и такъ шумѣло, что не давало намъ спать.

— Шшш!.. Шшш!.. Шшш!..

Этотъ его шумъ надрывалъ мнѣ и мамѣ души. Мы были птицы сухопутныя и морской прибой оказался для меня невыносимымъ.

— Я не могу жить близко къ морю!.. жаловалась мнѣ мама.— Цѣлые дни у меня болитъ отъ этого шума голова!

Но больше всего насъ беспокоило молчаніе папы. За все наше пребываніе здѣсь мы не получили отъ него еще ни одного письма, а сами писали ему каждый день.

— Навѣрное, онъ заболѣлъ! говорила мама.— Ты вѣдь помнишь, какой онъ былъ, когда провожалъ насъ въ Петербургъ!

Меня и самое тревожило молчаніе папы. Мы перестали ѣсть и пить, стали плохо спать и все думали о немъ. Не можетъ быть, чтобы онъ позабылъ о насъ и вовсе намъ не писалъ! Не могло быть также и того, чтобы въ дорогѣ пропали всѣ его письма, такъ какъ почта у насъ исправно получалась каждый день.

— Ахъ, что-то съ папой, что-то съ папой? то и дѣло вздыхала мама и съ нею вмѣстѣ вздыхала и вѣрная Ольга, набожно и широко всякій разъ крестившаяся на образъ.

— Богъ помилуетъ! говорила она.—Его святая воля!..

Въ Ольгѣ я приобрѣла себѣ превосходную няньку. Она укладывала меня спать, одѣвала меня по утрамъ, слѣдила за мной—и все это по собственной своей волѣ и охотѣ. Она старалась угадать малѣйшее желаніе моей мамы и одинъ

разъ вечеромъ, когда какъ-то уже особенно сильно шумѣло море, она стала у своего обычнаго косяка и съ глубокимъ-глубокимъ вздохомъ проговорила:—

— Уѣдете вы къ себѣ домой — и останусь я здѣсь безъ васъ одна! На кого вы меня покинете горемычную сироту?

— А ты хотѣла - бы поѣхать, няня, съ нами? спросила я ее.

Она бросилась ко мнѣ и стала меня обнимать.

- Да я за тобой хоть на край свѣта поѣду! воскликнула она.— Ангель ты мой архангельскій! Кокоренька ты моя ненаглядная! И уродится-же на свѣтъ такое дитѣ!

Къ концу второй недѣли пришло наконецъ долго - жданное письмо. Но оно было не отъ папы. Оно оказалось отъ нашего милаго доктора, лечившаго маму въ Лѣсномъ. Онъ писалъ ей, что нашъ папа былъ опасно боленъ, что теперь уже все прошло и онъ сталъ поправляться, хотя еще и очень слабъ, и что онъ очень проситъ маму, если возможно, прислать къ нему въ Петроградъ меня. Онъ очень соскучился по своей дочкѣ и безумно желаетъ ее видѣть. Онъ проситъ маму не беспокоиться и не ѣхать такъ далеко самой, а только прислать меня одну. Быть можетъ, кто-нибудь найдется, кто проведиль-бы меня до Севастополя и усадиль-бы меня тамъ въ вагонъ, а ужъ доѣду я до Петрограда и сама. Вѣдь я уже не такъ мала, чтобы не понимать, и, конечно, сумѣю найтись въ дорогѣ и исполнить въ точности все то, что прикажетъ мнѣ при разставаніи мама.

И такъ далѣе и такъ далѣе — и кончалось письмо уже настоятельной просьбой самого доктора отпустить меня къ папѣ поскорѣй. „Пріѣздъ вашей дочери Лизы, писалъ онъ,—только поможетъ скорому выздоровленію ея отца. Не пріѣзжайте сами: это обезпокоитъ вашего мужа, потому что онъ знаетъ, какъ тяжело будетъ вамъ перенести дорогу и какъ необходима вамъ каждая минута пребыванія въ Крыму!“

Мама испугалась, засуетилась, стала хвататься то за одно то за другое. Мы всѣ три долго плакали. Ничто не могло насъ утѣшить. Но, какъ и слѣдовало ожидать, мама засбиралась къ папѣ сама.

— Ну, куда ты поѣдешь туда хилая - то, да нездоровая-то? возразила ей наша ярославка - Ольга, всѣмъ говорившая на „ты“.—Сиди ужъ тутъ! Пусть Лиза ѣдетъ одна!

Это придало мнѣ храбрости. Я бросилась къ мамѣ и стала умолять ее отпустить меня одну. Затѣмъ мы собрались ѣхать обѣ вмѣстѣ. Но потомъ и это измѣнили, такъ какъ докторъ ясно писалъ, что папа не хочетъ, чтобы ѣхала на сѣверъ мама. Думали—думали, гадали—гадали и рѣшили наконецъ поступить такъ: мама останется въ Крыму одна, а Ольга отвезетъ меня въ Ялту, усадитъ тамъ на пароходъ и поручитъ меня кому - нибудь изъ добрыхъ пассажировъ, среди которыхъ навѣрное найдется тамъ какая-нибудь, которая тоже ѣдетъ въ Петроградъ. Я, конечно, торжествовала и стала считать часы и минуты, когда подадутъ экижажъ и повезутъ меня въ Ялту на пароходъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Б.—скій.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова:

- 1) То, изъ чего дѣлаются рогожи.
- 2) То, что есть у птицы и на письменномъ столѣ.
- 3) Фруктъ съ косточкой.

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по послѣднему слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ домашнее животное.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

II.

Сидѣли на деревѣ три совы; охотникъ выстрѣлилъ въ нихъ и всѣ онѣ свалились съ дерева на землю. Что при этомъ произошло?

III.

Слово состоитъ изъ 13 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. Буквы 9. 10. 6. 2. 3 означаютъ кавказскій верхній плащъ, 12. 7. 4. 3. 11. 3 — музыкальный инструментъ, 9. 1. 6. 5. 12. 13 — край рѣки, озера и моря, 2. 3. 11. 5. 4.

3 — экипажъ, 2. 3. 8. 3. 4. 13 — толстую веревку, 4. 11. 10. 9. 3 — принадлежность печки, 12. 6. 3. 8. 7. 4. 13 — породу камня, 9. 3. 8. 3. 8. 13 — душистый плодъ пальмы, 2. 3. 11. 4. 7. 8. 3 — произведеніе искусства, 6. 10. 9. 7. 8. 13 — драгоценный камень. Найти эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе большого города на Уралѣ.

IV.

Задуманы четыре слова:

- 1) То, что наклеиваютъ на письма.
- 2) Домашнее хищное животное.
- 3) То, по чему течетъ рѣка.
- 4) Часть человѣческаго тѣла.

Первая и послѣдняя буквы каждаго изъ этихъ словъ даютъ собою слогъ. Всего, слѣдовательно, выйдетъ четыре слога. Составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ мучнистое кушанье, очень любимое въ Италіи.

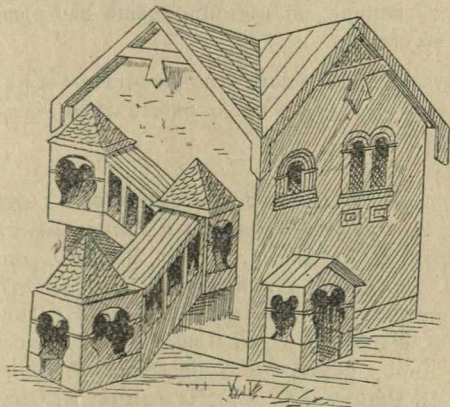
Какія это слова и какое это кушанье?

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой.

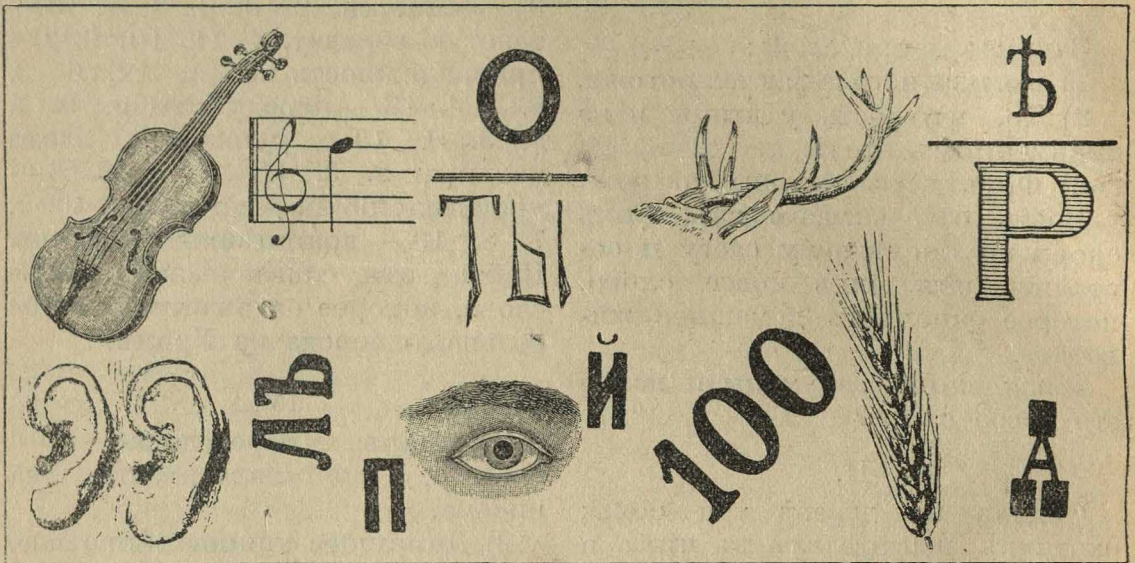
1. „Дружокъ и Дожка“.
2. „Найдемышъ и подкидышъ“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровский просп., 26.

Модель приложенія къ этому номеру.

Ребусъ № 7.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 5, помѣщенныхъ въ № 4, «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I., а + на + насъ (ананасъ),... гру + ша (груша), я + блокo (яблоко),... мали + на (малина), слива..., перси + къ (персикъ), земля + ника (земляника), клубни + ка (клубника), II., Слово, бумага, корова = собака. III., Слово можетъ къ чему-нибудь прислониться, а роуля прироялится ни къ чему не можетъ. IV., до + лото = долото. V. Такъ какъ земля представляетъ собою шаръ, то путешественнику, чтобы понасть съ запада на востокъ, нужно все время ѣхать на западъ.

Ребусъ № 5. М + ноги + ель + ю + дитя + ж + к + обѣдъ + ст + в + у + ютъ = многіе люди тяжело бѣдствуютъ.

Вѣрныя рѣшенія въ эти двѣ недѣли прислали: Н. Громова, Славочка и Галка, В. и К. Кудиновы, О. Алѣва, А. Русисъ, Э. и М. Тропикіе, Б. Вагановъ, Т. Ивановъ, Б. Додоновъ, С. Никитинъ, М. Коноплицкая. Л. и Ж. Пименовы, И. Н. Фалковы, В. Алакозовъ, С. Лубенцовъ, Нина, Оксана и Гришутикъ, Г. Добрецовъ, Н. Рощина, К. и Т. Чеховичъ, Т. Смир-

нова, Миримановы, К. Агеевъ, Я. Блюмбергъ, Н. Климовъ, М. Иванченко, I. Гиршманъ, Кто-то безъ подписи, С. Тянгинская, Л. Федорова, М. Михневичъ, С. Римская-Корсакова, О. В. и Л. Тохтаровы. В. и Т. Львовы, М. Иванченко, Р. и С. Румянцевы, В. Крестовскій, Л. Мазель, Тоня и Сарра, Б. Щеснякъ, В. Селиванова, Ж. Шелькингъ, Ю. Молчановъ, Э. и В. Ховенъ, К. Лавровъ, М. Бобровская, Таняра Е., Гимназисточка, М. Щегловъ, О. Канторъ, В. Колодезниковъ, А. Хартинъ, Г. Филипповъ, М. Родионова, Г. Энненбергъ, М. Златоверховниковъ, Г. Зальковский, В. Федоровъ, Г. и М. Тизенгаузенъ, Вл. Микеровъ, В. Нарциссовъ, И. Казачекъ, И. и В. Шафрановскіе, Н. Маттесъ, Л. Порадѣловъ, В. Стольниковъ, Л. и Т. Сахановскія, С. и П. Темидовы, Н. Пирогова, С. и В. Лясковскіе, П. Гордіенко, В. Стабриковъ, Н. Диждулицъ, Л. Ниренбергъ, Т. Духновская, Б. Егунова, С. Мяковский, А. Машковъ, К. и М. Преображенскіе, Ш. Ремезовъ, Т. Каледина, В. и К. Рыбалко, Кто-то безъ подп., К. Чиликинъ, В. Ушаровъ, Ж. Самосеевъ, А. Нефловъ, Л. Лебединская, С. Богдановскій, Е. Калашникова, И. Адриановъ, М. Хартинъ, Э. Лейтесъ, М. Жулидовъ, Н. Вѣлкина, Левинъ.

Годъ девятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ

для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

— Редакция обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложение для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

≡ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ≡

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки юродскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

4 р. 80 к